

Культура против экономики: аморальный фабилизм и гнетущая повседневность

БЭНФИЛД Э. (2019). МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОТСТАЛОГО ОБЩЕСТВА / ПЕР. С АНГЛ. Д. КАРЕЛЬСКОГО ПОД РЕД. П. ФАВОРОВА. М.: НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 216 С. ISBN 978-5-98379-242-5

Сергей Ушкин

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Научный центр социально-экономического мониторинга
Адрес: ул. Б. Хмельницкого, д. 39а, г. Саранск, Российская Федерация 430005
E-mail: ushkinsergey@gmail.com

Эдварда Бэнфилда (1916–1999) называют одним из самых влиятельных интеллектуалов своего времени, но он практически не известен российскому читателю. Информация в русскоязычной «Википедии» представлена о нем скудно. Переводов его работ не было. А его идеи лишь фрагментарно присутствуют в отечественных научных публикациях¹. Хотя в США, откуда он родом, многие из них легли в основу теории социального капитала и социальных исследований бедности.

Бэнфилд начал свою академическую карьеру в 1946 году в аспирантуре Чикагского университета, где познакомился со многими известными учеными — Лео Штраусом, Фрэнком Найтом, Милтоном Фридманом и другими. На основе своей диссертации, где он подробно описывал причины провала правительственного эксперимента, имевшего своей целью помощь сезонным полевым рабочим в Аризоне, была издана работа «Правительственный проект» (1951)².

В ней Бэнфилд достаточно жестко раскритиковал политику «нового курса» Франклина Рузвельта и выдвинул предположение о том, что развитие общества не детерминировано сугубо экономическими отношениями, следовательно, государственное планирование необходимо анализировать в различных аспектах. Развитие этих идей обнаруживается в его совместной работе с Мартином Мейерсоном «Политика, планирование и общественные интересы» (1955), где доказывается отсутствие взаимосвязи между обновлением городов и снижением городской бедности³.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-011-00082 А «Нормотворчество в морали, праве, религии».

1. Исключением является сл. обзорная статья: *Базалева О. А.* (2016). Кризис доверия в «несостоявшемся обществе». Случай социальной стагнации // Социологические исследования. № 3. С. 177–187.

2. *Banfield E. C.* (1951). *Government Project*. New York: Free Press.

3. *Meyerson M., Banfield E. C.* (1955) *Politics, Planning and the Public Interest: The Case of Public Housing in Chicago*. N.Y.: Free Press.

Поворотным пунктом в его академической карьере стала работа «Моральные основы отсталого общества» (1958), демонстрирующая силу культурных привычек и убеждений в развитии общества⁴. Практически сразу после ее выхода, к большому сожалению Штрауса и его чикагских коллег⁵, Бэнфилд перебирается в Гарвардский университет, где трудится вплоть до выхода на пенсию, за исключением короткого периода пребывания в Пенсильванском университете (1971–1973 годы).

Пожалуй, наиболее значимыми произведениями, написанными после ухода из Чикагского университета, являются работы «Небесный город» (1970)⁶ и «Возвращение в Небесный город» (1974)⁷. В них он последовательно изложил свои тезисы, выдвинутые еще в «Моральных основах отсталого общества» о том, что ответственность за социально-экономическое благополучие граждан лежит не на государственных институтах, а на самом обществе. Заведомо провокативный характер первого произведения вызвал шквал критики, поскольку в нем была поставлена под сомнение государственная политика, направленная на поддержку бедных, к коим чаще всего относились чернокожие. Бэнфилд был стигматизирован как расист, при этом значимую роль в этой кампании сыграли студенты, сначала бойкотировавшие его лекции, а затем устраивавшие погромы в тех аудиториях, где он преподавал. Поэтому во второй работе ему пришлось несколько пересмотреть и смягчить свои взгляды, более подробно изложить некоторые аргументы.

В данной рецензии мы попробуем схематично представить основные идеи Бэнфилда, изложенные в недавно переведенной на русский язык работе «Моральные основы отсталого общества», реконструировать критические замечания к ней, оценить ее влияние, а также понять, насколько она соответствует (или не соответствует) современным российским реалиям.

От теории к практике и обратно: почему бедные не хотят богатеть?

Исследование Бэнфилда базируется на принципах качественной методологии. Оно проведено в течение девяти месяцев его пребывания в 1954–1955 годах в коммуне с вымышленным названием Монтеграно, находящейся на юге Италии⁸. При помощи его жены Лоры Бэнфилд и неназванного итальянского студента были проинтервьюированы около семидесяти местных жителей, преимущественно крестьян. В ходе многочисленных повторных опросов выявлялись политические предпочте-

---

4. *Banfield E. C.* (1958). *Moral Basis of a Backward Society*. N.Y.: Free Press.

5. Штраус даже выступил с прощальной речью, посвященной уходу Бэнфилда из Чикагского университета. Транскрипцию текста можно найти здесь: <https://ru.scribd.com/document/49102936/Leo-Strauss-Remarks-at-Farewell-to-E-C-Banfield-on-Departure-from-Chicago-1959> (дата доступа: 05.12.2019).

6. *Banfield E. C.* (1970). *The Unheavenly City: The Nature and the Future of Our Urban Crisis*, Boston: Little, Brown & Co.

7. *Banfield E. C.* (1974). *The Unheavenly City Revisited: A Revision of the Unheavenly City*. Glenview: Scott Foresman.

8. Позднее будет установлено, что в действительности Монтеграно — это коммуна Кьяромонте в провинции Потенца (Базиликата).

ния респондентов, их социальный статус, уровень потребления товаров и услуг и т. д., а также проводились тематические апперцептивные тесты (ТАТ)⁹. Помимо этого, широко использовались вторичные данные — переписные листы, учетные книги, автобиографические записки и т. п. Поэтому мы не погрешим против истины, если скажем, что в ходе своей работы Бэнфилд получил достаточно детальный срез итальянского общества того времени, при этом значительная часть собранной информации размещена в приложениях к книге и представляет особую ценность.

Подбор интервьюируемых является неслучайным; предположительно, выборочная совокупность была сформирована по принципу доступности. Поскольку исследование носило описательный характер, для изложения и иллюстрации некоторых теоретических тезисов Бэнфилд не ставил своей задачей распространение результатов на всю Италию в целом. Он лишь вскользь относит Монтеграно к представителям «типичного юга» без приведения какой-либо аргументации по этому поводу и подчеркивает, что результаты репрезентативны в отношении жителей города и достаточно репрезентативны в отношении населения окружающей сельской местности (с. 13). При этом он будто приглашает других исследователей к дискуссии, предлагая проверить свои данные на основании использованных им методик.

Почему Бэнфилд в принципе решил покинуть родные для него США и провести исследование в иной для него культуре? Во-первых, ему нужна была контрольная группа с ярко выраженной социально-экономической и культурной отсталостью, поскольку в таких условиях некоторые тенденции носят гипертрофированный характер. Компаративистская направленность изучения позволяет не просто описать, но и попытаться спрогнозировать развитие той или иной социальной группы на основе схожих данных. На месте Италии могла оказаться любая другая страна, но решающую роль сыграли языковые компетенции его супруги, которая происходила из семьи итальянских мигрантов. Однако Бэнфилд не учел одного: за ширмой тотальной разрухи в действительности скрывались сложные модернизационные процессы, пусть и более запоздалые, чем в некоторых других частях света, которые коренным образом переформатировали существовавшие на юге Италии формы социального капитала и сети его распределения.

Во-вторых, снижение ангажированности исследования и влияния интервьюера на качество получаемых от респондента данных. Как отмечает Бэнфилд, местные жители воспринимали его как чужака, которому в действительности нет дела до их проблем, поэтому готовы были рассказать многое о своей жизни и жизни других (с. 129). Впрочем, аргумент является более чем спорным и даже вступает в не-

9. Материалы для тестирования, которое проводил Бэнфилд, были подготовлены одним из разработчиков методики, Генри Мюрреем. Суть теста заключалась в том, что на основании демонстрируемых изображений испытуемый должен был придумать свою историю. Предполагается, что рассказчик, не догадывающийся об истинных мотивах исследователя, неосознанно раскроет определенные черты своей личности, которые невозможно установить в ходе прямого расспроса. См.: *Murray H. A.* (1943). *Thematic Apperception Test*. Cambridge: Harvard University Press.

которое противоречие с выдвинутыми им самим теоретическими построениями; ведь если жители Монтеграно ориентированы на рационализацию своих действий для реализации собственных краткосрочных стратегий, то безвозмездное общение с интервьюером явно не входит в их планы, более того — мешает воплощению других.

Бэнфилд вводит в своих построениях понятие «аморального фамилизма», основанного на принципе «Добивайся максимальной краткосрочной материальной выгоды для своей нуклеарной семьи; исходи из того, что остальные поступают так же» (с. 87). Общество аморальных фамилистов — это общество с низким уровнем межличностного и институционального доверия, отсутствием гражданских инициатив и неспособностью его членов к стратегическому мышлению и планированию. Более того, все это, по мнению исследователя, является причиной, а не следствием политической и экономической стагнации.

Триггером аморального фамилизма, по Бэнфилду, является то, что намного позднее Петр Штомпка назовет «культурной травмой», под которой понимается особое болезненное состояние коллективного и индивидуального сознания, складывающееся в результате внезапных, радикальных и всеобъемлющих социальных изменений (чаще всего революции)¹⁰. Культурная травма итальянского общества (во всяком случае, его южной части) — в том, что оно не смогло подстроиться под современные реалии и застряло во вчерашнем дне. Респонденты, опрошенные в ходе исследования, говорили о боязни своей смерти и смерти своих родственников, хотя продолжительность жизни существенно увеличилась; о нежелательности получения образования, поскольку необходимо было работать в поле; наконец, о том, что все вокруг глут — начиная от государственного аппарата и заканчивая соседями. Все это усиливало ощущение гнетущей повседневности, а также распространение депрессивных настроений. Но важнее даже не это, а то, о чем они предпочитали молчать¹¹ — о разрухе и коллективной депрессии после поражения Италии во Второй мировой войне.

Преодоление кризиса аморального фамилизма возможно только тогда, когда общество примет три основных правила: во-первых, расширит горизонты планирования, прекратит руководствоваться только мотивом приобретения краткосрочной выгоды; во-вторых, выработает механизмы поддержания моральных лидеров; в-третьих, создаст условия для беспрепятственной деятельности общественных организаций (с. 169–170). Проблема в том, что даже целенаправленное реформаторство не сможет принести быстрых дивидендов; а общество, подобное обществу Монтеграно, практически не способно ждать.

10. Штомпка П. (2001). Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. № 1. С. 6–16.

11. Как отмечает по этому поводу Ортега-и-Гассет, «глубокое постижение той чудесной реальности, каковой является язык, невозможно без полного осознания того несомненного факта, что речь складывается прежде всего из умолчаний». См.: Ортега-и-Гассет Х. (1997). Избранные труды / Пер. с исп. А. Гелескула, А. Матвеева, С. Воробьева, Е. Гараджи, Л. Яковлева под ред. А. Руткевича. М.: Вест Мир. С. 675.

Таким образом, аморальные фамилисты оказываются в западне, поскольку никто из них не способен пожертвовать собой ради развития общества. Они не видят себя в будущем, они стремятся исключительно только к удовлетворению базовых потребностей, жертвуя ценностями более высокого порядка. Как сейчас модно говорить, они представляют собой образец воспроизводства токсичных отношений между членами общества. По их мнению, улучшением качества жизни должно заниматься исключительно государство; тогда как Бэнфилд считает, что причины моральной отсталости и нежелания что-то менять — в головах. Поэтому общество аморальных фамилистов не является готовым к участию в нормотворческих инициативах, какие бы политические или экономические усилия ни были предприняты со стороны властей.

Критика и влияние: как идеи Бэнфилда легли в основу теории социального капитала?

После выхода работы Бэнфилд столкнулся с серьезной волной критики, преимущественно со стороны итальянских социологов, которые упрекали его подход в излишней стереотипности и склонности к упрощению, а также полном игнорировании исторических реалий¹². Многие сходятся во мнении, что аморального фамилизма в чистом виде не существует, хотя отдельные его проявления, безусловно, имеют место быть. Результаты ряда исследований последних двух десятилетий наглядно показывают, что «крайнюю бедность, отсутствие финансового капитала и дефицитность иных ресурсов (образовательного, социального, культурного, административного капитала) не следует рассматривать изолированно друг от друга»¹³.

Например, Джильберто Марселли в своей работе 1963 года поставил под сомнение выводы Бэнфилда, а также их доказательную базу¹⁴. Он указывал, что результаты исследования нельзя назвать репрезентативными, и особенно это касается тематических апперцептивных тестов, использование которых в сельской местности приводит к значительным искажениям ввиду того, что крестьяне, в отличие от горожан, при построении ответов ориентированы на ожидания своей социальной группы, и поэтому получаемые ответы не позволяют индивидуализировать респондента. Он обвинил Бэнфилда в популизме, попытках выдать желаемое за действительное; в частности, отмечалось, что содержание взятых интервью расходится с теоретическими допущениями.

Годом позже, в 1964 году, Эй Уикерс предложил перейти от замечаний Марселли к более содержательным, по его мнению, аспектам — в первую очередь к иг-

12. *Ferragina E.* (2009) The Never-ending Debate about The Moral Basis of a Backward Society: Banfield and «Amoral Familism» // *Journal of the Anthropological Society of Oxford-online*. Vol. 1. № 2. P. 142.

13. *Базалеев О. А.* (2016). Кризис доверия в «несостоявшемся обществе»: случай социальной стагнации // *Социологические исследования*. № 3. С. 182.

14. *Marselli G. A.* (1963). American Sociologists and Italian Peasant Society: with Reference to the Book of Banfield // *Sociologia Ruralis*. Vol. 3. № 1. P. 319–338.

норированию Бэнфилдом исторического контекста¹⁵. Обращаясь к голландскому опыту исследований местных сообществ, он говорил об отличных друг от друга культурных традициях различных европейских стран. Из чего следует, что аморальный фамилизм не обладает высоким объяснительным потенциалом, а служит скорее для описания уже существующей реальности конкретных регионов.

Аргументацию Марселли и Уикерса в 1966 году дополнил Алессандро Пиццорно, который выделил несколько основных критических замечаний¹⁶. Наиболее значимые из них заключались в том, что Бэнфилд не обратился к историческим реалиям, в том числе касательно вопросов взаимодействия центра и периферии, а также совершил фактическую подмену понятий, рассматривая изначально разобщенную деревню как сообщество, чего в контексте индивидуализации жизни делать категорически не следует. С точки зрения Пиццорно, Монтеграно — не более чем простая агломерация домов, где каждая семья живет для себя, а попытки улучшить свои нынешние условия через коллективное действие рассматриваются как бесполезные. Самих же монтегранцев критик сравнивает с британским средним классом восемнадцатого века и делает вывод в духе Адама Смита¹⁷: личные и корыстные интересы образуют сумму интересов общества, что неминуемо должно привести к его процветанию, а не отсталости. Единственное серьезное отличие — на юге Италии приоритет отдается достижению краткосрочной материальной выгоды, хотя Пиццорно не видит ни объективных, ни субъективных препятствий к накоплению.

Напротив, подтверждение выдвинутых гипотез и полученных данных обнаруживается в исследованиях преимущественно американских коллег Бэнфилда. Так, Габриэль Алмонд и Сидней Верба в 1963 г. в работе «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» отмечают, что выявленные тенденции аморального фамилизма в Италии подтверждаются перекрестными данными. Более того, они подчеркивают, что в итальянской политической культуре «содержатся необычайно сильные парохильные, отчужденно-подданические и отчужденно-участнические компоненты. Тенденции, связанные с демократическими статусными устремлениями, в этой стране тоже присутствуют, концентрируясь прежде всего на левом крыле, но они относительно слабы по сравнению с широко распространенным настроением отторжения, которое воздействует на установки преобладающего большинства итальянцев по отношению к их политической системе, причем во всех ее аспектах»¹⁸. Иными словами, люди здесь ориентированы на решение местных проблем, отсутствуют политическая специализация

15. *Wichers A. J.* (1964). Amoral Familism Reconsidered // *Sociologia Ruralis*. Vol. 4. № 2. P. 168–181.

16. *Pizzorno A.* (1966). Amoral Familism and Historical Marginality // *International Review of Community Development*. Vol. 15. P. 55–56.

17. См.: *Смит А.* (1962). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во социально-экономической литературы. С. 360–361.

18. *Алмонд Г., Верба С.* (2004). Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль. С. 63.

ция и ожидания от политической системы, вплоть до неучастия в политической жизни и полного отрицания действующих политических институтов и структур.

В 1993 г. Роберт Патнэм и его коллеги в работе «Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии» досконально изучили итальянскую сеть горизонтальных взаимосвязей и вывели прямую зависимость между количеством гражданских организаций и качеством жизни в регионе. В ней они попытались усилить исследовательскую методологию Бэнфилда и улучшить его историческую аргументацию в контексте разрабатываемой теории социального капитала, замеряя «гражданскую общность» в разных регионах страны. Было установлено, что аморальный фамилизм является не иррациональной, а единственно рациональной стратегией выживания в условиях близкого к Монтеграно уровня развития, поскольку люди, понимая свое бедственное положение, боятся потерять все¹⁹. Более того, он по-прежнему процветает, особенно на юге Италии. При этом именно семья является одним из немногих социальных капиталов, которыми обладает человек и который он старается изо всех сил защитить, несмотря на внешние угрозы.

В 1995 году Фрэнсис Фукуяма в работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» на основании работ Бэнфилда и Патнэма пересматривает некоторые свои позиции по поводу конца истории и приходит к выводу, что культура и экономика тесно переплетены между собой. Приводятся новые данные по уровню проникновения аморального фамилизма в различных обществах. В частности, отмечается, что он характерен не только для католических культур, но и является сущностью китайского конфуцианства; более того, в китайских обществах — на Тайване, в Гонконге, Сингапуре, в самой КНР — отсутствие прослойки между семьей и государством выражено намного сильнее²⁰. Непосредственно в конфуцианской этике заложен постулат о том, что семья обладает наивысшей ценностью относительно других социальных групп.

В 2000 году под редакцией Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона выходит сборник работ «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу», представляющий собой отсылку и одновременно посвящение творческому наследию Бэнфилда²¹. Среди его авторов — Рональд Инглхарт, Сеймур Липсет, Джеффри Сакс, Фрэнсис Фукуяма и многие другие. Все они, каждый по-своему, пытаются ответить на вопрос, что такое культура и каким образом она влияет на социально-экономическое развитие отдельных стран и регионов.

---

19. Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захарова. М.: Ad Marginem. С. 220.

20. Фукуяма Ф. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ. С. 104.

21. Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.). (2002). Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Пер. с англ. А. Захарова под ред. Н. Гаямовой. М.: Московская школа политических исследований.

Российский контекст моральной отсталости

Публикация перевода работы Бэнфилда совпадает с относительным ростом вовлеченности отдельных граждан и общественных групп в решение актуальных социальных проблем²². Но есть основания полагать, что современную Россию и послевоенную Италию роднит больше, чем может показаться на первый взгляд, а именно — опыт получения глубокой культурной травмы, которая усугубила различные социальные риски. Крах советской системы и связанных с ней социальных институтов привели к осознанию «заброшенности», отчужденности многих и многих индивидов, разрушению и без того слабых форм гражданской солидарности, возрождению системы «патрон-клиентских» связей и, собственно, усилению аморального фамилизма²³.

Объяснительный характер гипотезы об аморальном фамилизме принимается в отечественных исследованиях коррупционных и девиантных социальных практик, поскольку сокращение радиуса доверия способствует разрушению сетей межгруппового взаимодействия и расцвету коррупции²⁴. Нельзя не отметить тот факт, что сам Бэнфилд в качестве негативного примера этого явления приводит сицилийскую мафию, состоящую из семей; в российских реалиях близка к ней «братва», непосредственно название которой указывает на наличие определенных, пусть не обязательно чисто семейных, но товарищеских связей, чья сила, однако, позволяет считать их своеобразным аналогом «семьи».

Несколько неожиданным является приложение некоторых положений концепции аморального фамилизма к изучению этнонациональных и общероссийских идентичностей отдельных регионов России²⁵. Делается допущение, что кланово-родовое этнодоверие имеет схожие с ним корни. Так, на примере Дагестана С. С. Султанов показывает, как торжество кланового эгоизма, возведенного в ранг политической практики, оборачивается для региона понижением уровня общедагестанской идентичности.

Исследование Бэнфилда способствует повороту от исключительно экономико-ориентированного понимания экономического развития к поиску его культурных и моральных детерминант, и этот вектор явственно прослеживается в работах российских авторов²⁶. Можно предположить, что русский перевод повлечет за со-

---

22. Лукафина Д. А. (2018). Динамика и направления развития института гражданского участия // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 4. С. 29.

23. Ачкасов В. А. (2001). Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 4. № 1. С. 178–179.

24. Федотов Л. Н. (2012). Деформация социального капитала как фактор возникновения коррупции // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 143.

25. Султанов К. К. (2010). Этнонациональная ментальность и общероссийская идентичность: есть ли пределы совмещения? // Россия и современный мир. № 3. С. 111.

26. См., напр.: Вальцев С. В. (2012). Институциональные условия и факторы модернизации российской экономики // Проблемы современной науки и образования. № 8. С. 7–19; Иваишковский С. Н. (2017). Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ // Вестник МГИМО. № 3. С. 268–290.

бой не просто появление критических оценок его научной деятельности, но и рост интереса к предложенному им институциональному анализу, основанному в том числе на сопоставлении различных исследовательских методик и их результатов. Было бы неплохо, если бы его изыскания способствовали повышению числа публикаций по социологии морали, которая в российском научном дискурсе представлена весьма ограниченно²⁷.

Вместо заключения

Безусловно, в работе Бэнфилда «Моральные основы отсталого общества» сгенерировано несколько важных идей, которые до сих пор не теряют своей актуальности. Импонирует, что многие из них построены на результатах его интервью, тестов и анализе вторичной информации, причем у наиболее пытливых исследователей при необходимости существует возможность воспроизвести эти методики при изучении современных обществ.

Наверняка сегодня практически не осталось тех, кто уверен, что причины отсталости детерминированы только каким-то одним фактором — политическим, экономическим, культурным и т. д.; такой подход заведомо обречен на узость восприятия сложной социальной реальности. Но изучение аморального фамилизма во всех его проявлениях представляется весьма перспективной затеей, особенно в свете особенностей различных стран и отдельных регионов. Интересно, что сам феномен неоднократно иллюстрируется в популярной культуре: в частности, высказывание о том, что семья превыше всего является жизненным принципом Серсеи Ланнистер из серии романов Джорджа Мартина «Игра престолов» и широко обсуждается в связанных с ней научно-популярных трудах²⁸.

Нельзя не отдать должное издателям русского издания книги, которые весьма удачно встроили в ее оформление фотографии из личных архивов Бэнфилда. Визуальный ряд усиливает восприятие гнетущей повседневности, описание которой приводится в тексте, погружая в атмосферу того времени. После прочтения работы Италия перестает восторженно ассоциироваться только с Данте, Боттичелли или да Винчи. Это еще и тяжелый послевоенный быт, который отлично проиллюстрирован представленным на обложке книги снимком Пепи Мерисио «Бабушка рубит дрова на лестнице».

---

27. См., напр.: *Соколов В. М.* (2004). Социология морали: теория и практика // *Социология власти*. № 2. С. 6; *Тощенко Ж. Т.* (2005). К читателю // *Социологические исследования*. № 1. С. 4.

28. См., напр.: *Филлипс Т., Клэйер Р.* (2016). *Игра престолов: уроки для жизни и бизнеса*. М.: Олимп-бизнес. С. 141; *Марей М.* (2020). Не только мать, жена и королева: этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина // *Социологическое обозрение*. № 1. С. 209–226.

Culture vs. Economy: Amoral Familism and Dismal Everyday Life

Sergey Ushkin

Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher Fellow, Scientific Center for Social and Economic Monitoring

Address: Bokhdan Khmelnytsky str., 39a, Saransk, Russia Federation 430005

E-mail: ushkinsergey@gmail.com

Book review: Edward C. Banfield, *Moral'nye osnovy otstalogo obshchestva* [The Moral Basis of a Backward Society] (Moscow: Novoe izdatelstvo, 2019) (in Russian).